

на 1790 г. около 80% населения белорусских земель были греко-католиками [1, с. 332]. Почти за два с половиной столетия существования этой конфессии (до упразднения ее на белорусских землях в 1839 г. на Полоцком соборе) в униатских храмах выработались новые интересные художественные решения в оформлении сакральных интерьеров. Так, под влиянием католической традиции во множестве церквей постепенно были демонтированы иконостасы и установлены архитектурные алтари. В некоторых храмах сочетались оба сакральных объекта: за иконостасом в виме¹ размещался главный алтарь и, как правило, в молебном зале устанавливались боковые алтари, которых чаще всего было два [2].

По нашим предварительным подсчетам, в десятой части униатских храмов на протяжении всего периода унии сохранялись иконостасы. Однако из этого числа по разным причинам до нашего времени дошли только единичные памятники. Это касается и православного наследия. К XVII в. относится единственный сохранившийся (отреставрированный в последнее время) иконостас — из православного Николаевского собора в Могилеве (1669—1672) [3]. XVIII в. представлен несколькими деревянными униатскими и православными иконостасами, некоторые из которых дошли только фрагментарно, либо представлены исключительно иконами [4, с. 23] и каменными алтарными преградами, характерными для униатских церквей, о чем речь пойдет ниже [5, с. 178—180].

Отсутствие артефактов, которые позволили бы в полной мере выявить характерные черты иконостасов каждой из названных конфессий, рассмотреть их в сравнительном контексте, привело к тому, что к данной теме исследователи практически не обращались. Единичные наблюдения по этой проблеме можно встретить у белорусских (Т.В. Габрусь [5, с. 178—180], И.Н. Ожешковская [6], А.А. Ярошевич [7], Ю.В. Ходыко, А.Ю. Ходыко [8]), русских (К.В. Постернак [3]) и польских (В. Боберский [4]) исследователей. Вопросы, которые поднимались в работах названных ученых, касаются прежде всего атрибуции или стилистического анализа сохранившихся памятников, а также известных по фотографиям иконостасов, которые не дошли до наших дней.

Однако для воссоздания более полной картины необходимо обращение к историческим документам. Для написания статьи нами были использованы материалы из архивов, библиотек и музеев Беларуси, России, Литвы, Польши. К наиболее информативным источникам относятся протоколы проверок церквей — инвентари, описи и визиты. Кроме того, использовались старые изображения православных и униатских иконостасов XVII—XVIII в.: рисунки и фотографии.

РАЗВЕНЧАНИЕ МИФОВ

Рассмотрение обозначенной проблемы начнем с тех наблюдений, которые уже высказывались на этот счет белорусскими учеными. Так, Ю.В. Ходыко и А.Ю. Ходыко подчеркивали, что особенностью униатского иконостаса является наличие в нем апостольского чина вместо деисусного [8, с. 66]. Так, названные исследователи противопоставляли эти два яруса, тогда как в православной традиции иконостасный ярус, состоящий из икон апостолов, трактуется как один из типов деисуса и для его определения используется термин «апостольский деисус» [9, с. 316—319].

Традиционный для классического русского иконостаса деисусный (от греческого «деисис» — моление) ряд состоит из иконы Иисуса Христа, размещенной посередине, и икон Богоматери и Иоанна Крестителя, архангелов Гавриила и Михаила, верховных апостолов Петра и Павла, размещенных слева и справа от центральной [9, с. 316—319]. По мнению ученых, таковым состав этого чина был и в белорусских православных иконостасах доуниатского периода. Однако во времена унии из этого чина исчезают иконы Богоматери и Иоанна Крестителя, архангелов и других святых, а остаются только 12 апостолов и икона Иисуса Христа посередине между ними [8, с. 66].

Кроме того авторы подчеркивали, что именно апостольский ярус с иконами, размещенными над Царскими вратами по вертикали, создавал крестовый композиционный стержень и нес основную смысловую нагрузку [8, с. 66]. Таким образом, по мнению исследователей, как минимум две черты отличали белорусский униатский иконостас от православного: наличие в первом из них именно апостольского деисуса и крестовая основа в композиции всей структуры.

Визуальный анализ сохранившихся и известных по фотографиям и рисункам униатских иконостасов не подтверждает наличия крестовой основы: во всех случаях прослеживается только выраженная вертикаль, которая являлась осью симметрии. Ее составляли Царские врата и иконы, расположенные над ними, каждая из которых была центром иконостасного чина. Апостольский ряд визуально не доминировал над остальными, а потому крест в основе униатского иконостаса не прослеживается. Такая же композиция характерна и для известных православных иконостасов того времени.

Примером греко-католического может служить иконостас Успенского собора Жировичского монастыря [10, с. 15], установленный в XVIII в., когда обитель принадлежала к унии (рис. 1). Время его создания и авторство вызвало полемику у белорусских [7] и польских [4, с. 22] ученых, но очевидно, что этот иконостас является униатским наследием. Кро-

Рис. 1. Униатский иконостас церкви Успения Богоматери мужского монастыря в д. Жировичи Слонимского р-на Гродненской обл. Фото до 2009 г.

ме того, это единственный деревянный иконостас этой конфессии, полностью сохранившийся в своей структуре и на своем изначальном месте. Известные нам изображения других униатских иконостасов, которые будут приведены ниже, позволят еще раз убедиться в том, что и в их композиции крестовая основа также не прослеживается.

Что касается высказанных учеными замечаний относительно формирования в униатских иконостасах апостольского чина вместо деисусного, то, изучая по историческим описаниям белорусские иконостасы рассматриваемых конфессий, нам удалось получить интересные сведения, которые позволяют по-иному взглянуть на этот вопрос. Во-первых, следует отметить, что прообразы апостольской композиции известны еще в раннехристианском искусстве [9, с. 316–319]. Аналогичная структура этого яруса характерна и для иконостасов православных церквей Галичины (исторический регион, входивший в рассматриваемый период в состав Речи Посполитой — федерации Великого княжества Литовского и Польского королевства) доуниатского периода, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники се-

редины — конца XVII в. (к унии эти земли, входившие в состав Львовской епархии, присоединились в 1700 г.) в церкви Св. Духа в Рогатине (1650), церкви Иоанна Богослова в Воскресенцах (1690), церкви Воздвижения Честного Креста Манявского скита (1698–1705) [11, с. 54–57, 63]. Таким образом, апостольский деисус, который является разновидностью деисуса, а не противостоит ему, был известен не только среди белорусских иконостасов и его возникновение никак не связано с унией.

Полученные нами сведения позволяют с уверенностью говорить о формировании апостольского деисуса еще в православных храмах в первой половине XVII века. К тому времени уже существовало и греко-католичество, поэтому может возникнуть версия, что изначально на белорусских землях апостольский деисус стал использоваться в униатских храмах, а позднее эта традиция распространилась и на православные церкви. Однако, по нашему мнению, к середине XVII в. в оформлении униатских храмов еще не успели сформироваться свои собственные черты, которые могли бы оказать влияние и на церкви других конфессий.

Среди исторических источников нам известны лишь единичные документы, где приводятся данные о православных храмах доуниатского периода. Так, в описях соборов в Пинске и Турове при описании иконостасов для характеристики одного из чинцов употребляется термин «деисус», однако о его составе сведений нет [12, с. 185, 189]. Сохранились и инвентари православных церквей Слуцка, некоторые из которых относятся к доуниатскому периоду. Из протоколов проверок Варваринской (1571) [13, № 527] и Ильинской (1575, 1602) [13, № 536] церквей состав икон в деисусе неясен, то же самое касается и других слуцких храмов, описания которых относятся к первой половине XVII века. Однако из более поздних инвентарей церквей Св. Михаила [13, № 537b] и Рождества Христова [13, № 537a] за 1669 г. и церквей в окрестностях Слуцка: Рождества Богородицы в местечке Дороги (1671), Иоанна Крестителя в Погосте (1678), Вознесения Господнего в Ивани (1719) [13, № 537b] становится известным, что над местными иконами размещались «апостолы». Отсюда следует, что в православном регионе, где не было униатских храмов и влияние этой конфессии было ограничено, в середине XVII в. отдавали предпочтение апостольскому деисусу.

Самое раннее известное нам точное сведение о наличии такого состава икон в православном храме относится к первой половине XVII в.: источником информации является уникальный рисунок иконостаса одной из православных церквей города Борисова (рис. 2), сделанный, очевидно, с натуры в начале 1640-х гг. [14, л. 2]. К наброску прилагается расшифровка, из которой следует, что в деисусе, не считая центрального образа, находились толь-

ко изображения апостолов. Таким образом, в это время уже существовали православные иконостасы с апостольским деисусом. Время создания борисовского иконостаса, к сожалению, неизвестно, однако он мог быть сооружен и в доуниатский период.

Обращает на себя внимание тот факт, что и в более поздних православных белорусских иконостасах, о чем свидетельствуют фотографии начала XX в., находился именно апостольский деисус [15]. Примером могут являться иконостасы середины XVII в. двух могилевских церквей (Богоявленской и Николаевской) и витебской. Таким образом, использование апостольского деисуса было характерно не только для униатских, но также и для православных храмов, причем это явление на белорусских землях было не локальным, а наблюдалось повсеместно.

Отсюда следует, что черты, которые до этого было принято считать «униатскими», таковыми не являются: крестовая основа в структуре не прослеживается, а апостольский деисус использовался и в белорусских православных иконостасах. Поэтому возникает новый вопрос: были ли в таком случае какие-то другие особенности, которые позволили бы определить конфессиональную принадлежность белорусских иконостасов. Чтобы ответить на него, рассмотрим в сравнительном аспекте сохранившиеся и известные по иконографическим источникам православные и униатские иконостасы одного и того же периода.

РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Как было отмечено выше, до нашего времени дошли единичные конструкции XVIII века. Среди них примером православного является иконостас из местечка Давид-Городок Столинского р-на Брестской обл. [16, № 76] (рис. 3), примером греко-католического — из местечка Шерешево Пружанского р-на той же области [16, № 130] (рис. 4). Второй из названных, представленный исключительно иконами, перевезен из церкви в Национальный художественный музей Республики Беларусь в 1958 г., где и находится, поэтому данные о его структуре можно получить только приблизительные. Однако очевидно, что это был такой же традиционный тябловый иконостас, как и давид-городокский. Оба являются многоярусными, с выразительной вертикальной осью по центру. Безусловно, каждому из иконостасов свойственны свои художественные черты, однако в композиции всей структуры прослеживается общее начало. Так, большим по величине и доминирующим по своей

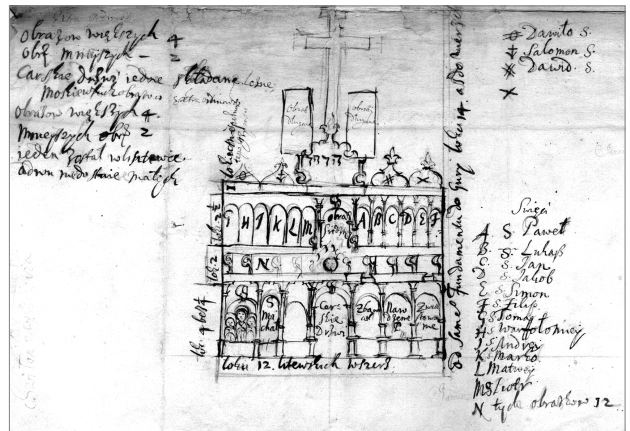

Рис. 2. Рисунок иконостаса православной Борисовской церкви, 1640-е гг.

Рис. 3. Иконостас православной церкви Св. Георгия Победоносца г. Давид-Городок Столинского р-на Брестской обл. Фото С. Бохнига (S. Bochnig), 1929 г.

Рис. 4. Иконостас бывшей униатской церкви Рождества Богородицы (в православный период — Успенская) в пос. Шерешево Пружанского р-на Брестской обл.

Рис. 5. Иконостас церкви Богоявления Господнего православного братского монастыря в Могилеве. Фото начала XX в.

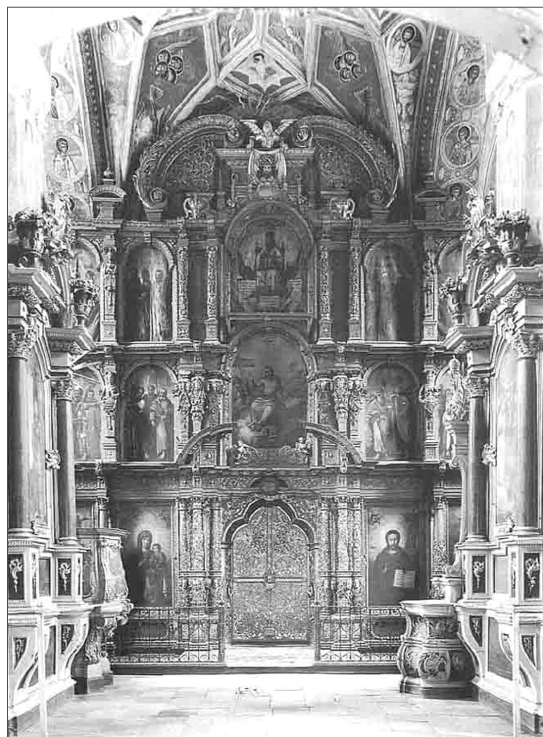

Рис. 6. Униатский иконостас церкви Благовещения монастыря в Супрасле (Польша). Фото Г. Поддембского (Henryk Poddebęski), 1936 г.

выразительности является местный чин. Над ним расположены небольшие иконы праздничного яруса. Еще выше — иконы апостолов, которые разделены между собой пилястрами. В давид-городокском иконостасе имеется еще и пророческий ряд, который завершает всю структуру. Интересно, что, по мнению исследователей, опирающихся на данные архивных источников, такой же ярус был ранее и в шерешевском иконостасе, однако позднее он был перестроен: иконы пророков упразднены, а центральное изображение этого яруса Богородицы Знамение было перемещено в центр праздничного чина [17, с. 156].

Если сравнивать иконостасы не приходских, а монастырских храмов, для которых характерно более пышное убранство, то и тут наблюдаются схожие черты. Например, иконостас церкви православного монастыря Богоявления в Могилеве (середина XVII в.) [18] (рис. 5) и иконостас Благовещенской церкви униатского монастыря в Супрасле [19] (рис. 6) (сейчас — город на территории Польши; представленный на фото иконостас установлен в 1669 г.) при явных отличиях в деталях и декоре имеют ряд общих черт (оба не сохранились). Интересно, что центральные иконы каждого из чинов выступают из своего яруса, поскольку имеют большую высоту. Это еще активнее подчеркивает центральную вертикаль, делая ее доминантой всей композиции.

Обращает на себя внимание и то, что фигуры апостолов размещены не на отдельных живописных основах, как в описанных выше иконостасах приходских церквей, а скомпонованы по несколько персонажей. Это было характерно и для икон Успенского собора Жировичского монастыря [4] (рис. 1). Данная особенность свидетельствует о постепенном отдалении от традиционного исполнения, что, очевидно, являлось результатом влияния европейского искусства на сакральную живопись Беларуси независимо от конфессии. Интересно, что в иконах монастырских иконостасов, над которыми, по всей вероятности, работали лучшие мастера того времени, эти черты проявлялись уже в середине XVII в., тогда как приходские церкви в местечках, и тем более в деревнях, значительно дольше сохраняли византийский канон.

Среди отличительных особенностей следует отметить наличие Распятия в наверхии могилевского иконостаса и его отсутствие в униатском иконостасе в Супрасле. Однако необходимо заметить, что эта черта является не конфессиональным признаком, а, скорее, особенностью, присущей исключительно рассматриваемому памятнику, так как в данный период большинство и православных, и униатских иконостасов завершались Распятием. Так, из множества исторических источников, в которых описываются греко-католические храмы, известно, что иконостасы, как правило, завершались деревянным

Рис. 7. Каменная алтарная преграда в Софийском соборе Полоцка Витебской обл. Фото автора, 2013.

Рис. 8. Каменная алтарная преграда в церкви Св. апостолов Петра и Павла униатского монастыря в д. Березвечье Глубокского р-на Витебской обл. Фото 1930-х гг.

крестом с фигурой распятого Иисуса Христа и предстоящими Богородицей и Иоанном [20].

Безусловно, оба иконостаса имеют и свои особенности, каждый из них является уникальным произведением искусства. Но приведенное сравнение говорит о том, что и для православной, и для униатской церкви рассматриваемого периода свойственны некоторые общие тенденции, в результате чего визуально отличить иконостас одной конфессии от иконостаса другой практически не представляется возможным. Необходимо подчеркнуть, что это касается структуры деревянных иконостасов, сохранившихся или известных по иконографическим источникам.

Нельзя обойти вниманием сложные по композиции и силуэту каменные иконостасы, облик которых сформирован ритмом колонн и пилястр, перекрытых ломаным антаблементом. Именно такие структуры возникли в греко-католических храмах и свойственны только этой конфессии: в белорусских православных церквях ничего подобного не существовало. Особенность таких алтарных преград заключается в том, что они выполняли функцию иконостаса, но по своей архитектонике и пластическому языку более походили на католические алтари [5, с. 178–179]. До нашего времени они сохранились в Полоцком Софийском соборе Витебской области (рис. 7) (храм освящен в 1750 г. после его воссоздания на месте разрушенной церкви XI в., тогда же при возведении здания и создана ал-

тарная преграда) и в бывшей униатской Троицкой церкви (освящена после строительства в 1768 г.) при монастыре в д. Вольно Барановичского р-на Брестской обл. (в данном случае это, скорее, не алтарная преграда, отделяющая виму, а декоративный элемент ансамбля с главным пристенным алтарем). По фотографиям начала XX в. известно, как выглядел такого рода каменный иконостас в монастырской церкви Св. апостолов Петра и Павла (на месте деревянных строений монастыря в 1756–1763 гг. возведены каменные, в том числе и храм, который до настоящего времени не сохранился) в д. Березвечье (сейчас деревня в составе г. Глубокое Витебской обл.) [5, с. 180] (рис. 8). Таким образом, в каменных униатских церквях, построенных в середине XVIII в., интерьеры украшали необычные по своему художественному решению алтарные преграды.

Следует отметить, что в греко-католических церквях каменные иконостасы могли иметь и достаточно традиционный вид. Об этом свидетельствует сохранившаяся алтарная преграда 1796 г. в Покровской церкви г. Толочина Витебской области. Также следует сказать, что иконостасы сложной композиции (как в Полоцке и Березвечье), только выполненные из дерева, в середине XVIII в. употреблялись и в православных церквях Великого княжества Литовского. Примером этого является иконостас главной церкви Свято-Духова монастыря в Вильнюсе. Таким образом, хотя необычные алтарные преграды, именно ка-

менные, и имели место исключительно в униатских церквях, однако это явление нельзя назвать сугубо униатским, так как, по нашему мнению, не материалу должна принадлежать ведущая роль в этом вопросе, а композиции и стилистике. Кроме того, единичные иконостасы такого рода не позволяют говорить о том, что данное явление было типичным для греко-католических храмов.

В большинстве униатских церквей все же находились деревянные иконостасы, которые, как было отмечено выше, имели ряд общих черт с православными. Но эти данные касаются именно сохранившихся иконостасов либо тех, которые известны по фотографиям конца XIX — начала XX века. Есть все основания полагать, что эти униатские иконостасы как раз и сохранились после упразднения унии и перевода церквей в православие по той причине, что они не противоречили традициям последнего. Иными словами, униатские конструкции, которые могли иметь принципиальное отличие от православных, были уничтожены либо переделаны в середине XIX века. В связи с этим встает новая задача: исследовать данный аспект, опираясь на исторические документы.

СВЕДЕНИЯ ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Прежде всего необходимо отметить, что при возникновении греко-католичества в 1596 г. в храмах еще какое-то (возможно, долгое) время продолжали находиться иконостасы, оставшиеся с православных времен. Постепенно где-то они совсем исчезли, где-то были заменены новыми, где-то преобразованы. Очевидно, что и новые иконостасы, которые создавались в XVII—XVIII вв. для униатских храмов, достаточно часто были выполнены традиционным способом и представляли собой тябловую конструкцию с соответствующим набором икон. Такие иконостасы были проанализированы выше. О существовании большого количества подобных конструкций также известно из исторических документов.

Например, при описании около сотни греко-католических церквей Полоцкой епархии за 1732—1736 гг. в большинстве из них были иконостасы, состоящие из трех чинов: местного, апостольского деисуса и пророческого [21]. Очевидно, структура этих иконостасов была традиционной. То же касается и униатской Турово-Пинской епархии, где в конце XVIII в. во многих храмах еще сохранялся прежний, практически не подверженный латинским влияниям сакральный интерьер с высоким (в 4—5 ярусов) иконостасом [22]. Таким образом, в некоторых регионах

Рис. 9. Интерьер униатской церкви Успения Богоматери в д. Подгайцы Тернопольской обл. Украины

даже в XVIII в. униатские храмы в своем оформлении имели много общего с православными.

Под влиянием многочисленных факторов в греко-католических храмах примерно с середины — второй половины XVIII в. начинают появляться новые структуры. Так, в протоколах проверок униатских церквей, преимущественно Владимир-Брестской епархии во второй половине XVIII — начале XIX в., достаточно часто фигурируют сведения, из которых следует, что иконостас состоял из двух частей [23, л. 9]. Нижняя, представленная местным чином, устанавливалась на полу, а верхняя, не соединенная с первой, состоящая, как правило, из изображений апостолов, монтировалась практически под потолком. Между этими частями было открытое пространство.

Такая конструкция возникла не случайно. Под влиянием католических традиций в униатских храмах в виме стали устанавливаться пристенные алтари, которые представляли собой синтез пластических искусств и являлись (иногда в большей степени, чем иконостас) наиболее впечатляющим объектом в интерьере храма [24]. Очевидно, что униаты и вырабатывали новую конструкцию иконостаса, которая позволила оставить доступным для обозрения алтарь, находящийся за ним. К сожалению, до настоящего времени не сохранилось ни одного примера такого иконостаса в белорусских храмах, однако данные конструкции были характерны также и для украинских церквей названной конфессии. Представление о

такой структуре дает снимок сохранившегося интерьера Успенской церкви в д. Подгайцы Тернопольской обл. Украины (рис. 9).

Вероятно, по той же причине (чтобы просматривался алтарь) иконостасы большинства униатских храмов XVIII в. состояли только из местного чина. Следует отметить, что в значительной части греко-католических церквей функцию иконостаса выполняла невысокая (иногда прозрачная, иногда — без икон) ограда, в центре которой находились Царские врата. Единственным сохранившимся до настоящего времени примером является необычный иконостас церкви д. Порплище Докшицкого р-на Витебской обл. (рис. 10). Данная конструкция долгое время оставалась без внимания ученых, так как, вероятно, была непонятна ее функция и она не рассматривалась как иконостас. Однако для исследователей униатского наследия предназначение данной структуры является очевидным. В настоящее время эта алтарная преграда, уже без Царских врат и диаконских дверей, размещается в храме в качестве декора. В глубине за ней находится двухъярусный киот с крыльями, который во времена унии был одним из боковых алтарей. Этот ансамбль из бывшего одноярусного униатского иконостаса и пристенного алтаря дает представление о том, как мог выглядеть интерьер греко-католических храмов в XVIII веке.

К сожалению, точно не известно, находились ли на простенках (между дверями) иконы или нет. На данный момент стенки побелены и на них желтой краской нарисованы круги, в которых написаны изображения Иисуса Христа (справа) и Божией Матери (слева). Следует отметить, что хотя вопрос о наличии икон в составе данной алтарной преграды и является спорным, однако из архивных источников известно, что со второй половины XVIII в. в униатских храмах вместо иконостаса достаточно часто использовались невысокие алтарные преграды, в которых находились только Царские врата (иногда еще и диаконские), а иконы отсутствовали [25]. На наш взгляд, такие структуры в то время не имели аналогов в белорусской православной церкви, которая придерживалась традиционного решения композиции даже одноярусного иконостаса: иконы Богородицы и Христа, размещенные по бокам Царских врат, были обязательными.

По архивным источникам известен еще один вид необычных иконостасных структур униатского храма. Речь идет о так называемых «иллюзионистических» иконостасах. Такие конструкции встречались в разных регионах в конце XVIII — начале XIX века. Очевидно, они возникли приблизительно в данный период. Нам удалось выявить около 10 упоминаний о таких иконостасах, которые находились в юго-западном, в северо-восточном, а также в центральном регионах белорусских земель. Выполнены такие иконостасы были, о чем свидетельст-

Рис. 10. Алтарная преграда в бывшей униатской церкви Преображения Господня д. Порплище Докшицкого р-на Витебской обл. Фото Н. Мельникова, 2000-е гг.

Рис. 11. Иконостас бывшей униатской церкви Св. Троицы в Витебске. Фото Л.Д. Никольского (?), 1915 г. (?)

вуют описания в документах, на дереве и на полотне. Что представлял собой второй вариант, сказать сложно, так как артефакты и изображения не сохранились. О структуре деревянного иллюзионистического иконостаса дает представление фотография начала XX в. с запечатленным на ней интерьером Свято-Троицкой церкви в Витебске² (рис. 11).

На фотографии видно, что из деревянных щитов создана конструкция, в которую вставлены единичные иконы, являющиеся центрами чинов, а в нижнем ярусе — Царские врата и пара диаконских дверей. Изображения апостолов и пророков написаны непосредственно на щитах, как и колонны между отдельными персонажами и антаблемент, разделяющий горизонтальные ряды. По этой причине такого рода иконостасы и охарактеризованы в исторических источниках как «иллюзионистические»: живописными средствами создавалась иллюзия объема, архитектурные детали здесь нарисованы.

Таким образом, обобщая приведенные сведения, следует отметить, что из документов XVIII — начала XIX в. стало известно о существовании в униатских церквях необычных структур, аналогов которых не было в православной белорусской традиции того времени. К таким греко-католическим иконостасам можно отнести так называемые «разорванные», состоящие из двух отдельных частей; одноярусные, которые представляли собой невысокую ограду с Царскими вратами (иногда и с диаконскими дверями), но без икон; иллюзионистические иконостасы.

* * *

В результате проведенного исследования, в первых, были пересмотрены существующие на данный момент версии относительно особенностей униатского иконостаса. До настоящего времени бытовало мнение, что его самобытными чертами, которые и позволяют отличить белорусский греко-католический иконостас от белорусского православного XVII—XVIII вв., является наличие в первом из названных апостольского чина и крестовой композиционной основы всей структуры. Было установлено, что апостольский деисус был характерен для иконостасов белорусских православных церквей еще в первой половине XVII в. (возможно и ранее), и его возникновение не могло быть результатом влияния унии, так как в этот период собственно униатские черты еще не сформировались. Также визуальный анализ сохранившихся и запечатленных на изображениях униатских иконостасов показал, что крестовый стержень в их структуре не прослеживается.

Во-вторых, в результате сравнительного анализа сохранившихся и известных по фотографиям³ структур деревянных тябловых иконостасов было установлено, что они схожи между собой и посредством визуального изучения практически не представляется возможным определить их конфессиональную принадлежность. Однако свойственные исключительно греко-католической традиции каменные алтарные преграды, созданные как самодостаточное произведение архитектуры малых форм.

В-третьих, изучение многочисленных исторических документов позволило установить факт су-

ществования иконостасов необычной конструкции в униатских церквях, преимущественно во второй половине XVIII — начале XIX века. К самобытным структурам относятся «разорванные иконостасы»; низкие алтарные преграды с сакральными дверями, но без икон; иллюзионистические иконостасы. Иконостасы таких конструкций в православных храмах того времени не использовались, а потому в данном случае можно действительно утверждать о существовании в униатских храмах некоторых структур, которые свидетельствовали о формировании в русле данной конфессии новых художественных приемов.

Примечания

- ¹ В русской православной традиции ту часть храма, где установлен престол, принято называть алтарем; в данной работе во избежание путаницы в этом значении будет использоваться общеупотребительное понятие «вима», а термин «алтарь» — для обозначения произведений архитектуры малых форм, которые устанавливались в церквях западно-христианской традиции.
- ² Институт истории материальной культуры Российской академии наук, фотоархив, сигнатура П. 85592 — фотография иконостаса церкви Св. Троицы в Витебске (начало XX в.).
- ³ Автор выражает благодарность Д. Лисейчикову, Н. Волкову, И. Ожешковской, Н. Мельникову и К. Постернаку за предоставленные фотографии иконостасов и копии некоторых архивных документов.

Список источников

1. Марозава С.В., Філатава А.М. Уніяцкая царква на Беларусі // Рэлігія і царква на Беларусі : Энцыкл. давед. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2001. С. 331—334.
2. Флікоп Г.А. Існаванне іканастасаў у грэка-каталіцкай царкве ў XVII — першай палове XIX ст. // Вестці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2013. № 4. С. 81—87.
3. Постернак К.В. К вопросу об эволюции форм алтарной преграды униатских храмов на территории Речи Посполитой // Славяноведение. 2013. № 4. С. 79—86.
4. Баберскі В. Адзіны з шасці // Мастацтва. 2005. № 11. С. 22—23.
5. Габрусь Т.В. Мураваныя харалы: сакральная архітэктура беларускага барока. Мінск : Ураджай, 2001. 287 с.
6. Ожешковская И.Н. Стилистика алтарной преграды Витебского Успенского собора II половины XVIII — начала XIX в. : (по материалам архивных исследований) // Вестник Брестского государственного технического университета. 2012. № 1. С. 14—18.
7. Ярошевич А.А. Проблемы атрибуции иконостаса Успенского собора Жировичского монастыря // XI Филевские чтения : Тезисы конференции (24—26 декабря 2012 г.). Москва, 2012. С. 113—115.

8. Хадыка А.Ю., Хадыка Ю.В. Рэнесанс у беларускім новым іканапісе // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. Мінск, 1994. С. 62—70.
9. Православная энциклопедия. Т. XIV. Даниил — Димитрий. Москва, 2006. 752 с.
10. Беларускі іканастас. Творы іканапісу і драўлянай пластыкі канца XVII — пачатку XIX ст. / склад. А. Карпенка. Мінск, 2015. 52 с.
11. Мельник В. Сакральне мистецтво Галичини XV—XX століть в експозиції Івано-Франківського художнього музею : Путівник-каталог. Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 2007. 224 с.
12. Описи ризницы Турово-Пинской епископии (1585—1615 гг.) / подрхтаваў і апрацаваў Ю.М. Мікульскі // Беларуская даўніна. Гістарычны альманах. Вып. 2. С. 179—201.
13. Archiwum główne akt dawnych w Warszawie (AGAD). Archiwum Radziwiłłow (AR). Dz. VIII.
14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) [Нацыянальний исторический архив Беларуси (НИАБ)]. Ф. 694. Воп. 1. Спр. 287.
15. Нацыянальны гістарычны музей РБ (НГМ РБ) [Нацыянальний исторический музей Республики Беларусь (НИМ РБ)]. НД 15341. Фотография интерьера Преображенской церкви православного монастыря д. Охор, 1925 г.
16. Іканапіс Беларусі XV—XVIII стагоддзяў / аўтар тэксту і складальнік Н.Ф. Высоцкая. Мінск : Беларусь, 2001. 21 с.
17. Православный мир. Образ Христа в иконографии стран Восточной Европы из музеев Беларуси, России, Сербии, Украины. К 1025-летию Крещения Руси / науч. ред. Е.В. Карпенко. Минск : Звезда, 2015. 227 с.
18. Нацыянальны гістарычны музей РБ (НГМ РБ) [Нацыянальний исторический музей Республики Беларусь (НИМ РБ)]. НД 5267/11. Фотография иконостаса церкви Богоявленского братского монастыря в г. Могилев, начало XX в.
19. Lietuvos valstybes istorijos archyvas (LVIA). F. 634. Ap. 1. B. 48.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 823. Оп. 3. Д. 519.
21. Флікоп Г.А. Іканастасы ўніяцкіх храмаў Тураўскай епархіі ў 1770—1780-я гады: наяўнасць і канструкцыя // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 12. Мінск, 2012. С. 588—593.
22. Lietuvos valstybes istorijos archyvas (LVIA). F. 634. Ap. 1. B. 56.
23. Флікоп-Світа Г.А. Прысценныя алтары ўніяцкіх храмаў Беларусі ў канцы XVII—пачатку XIX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 3. С. 26—37.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 824. Оп. 2. Д. 187.
25. Флікоп-Світа Г.А. Люзорныя іканастасы ўніяцкіх храмаў Беларусі (апошняя трэць XVIII — пачатак XIX ст.) // Історія релігій в Україні. Львів, 2016. Ч. 3. С. 458—469.

ICONOSTASES OF THE BELARUSIAN ORTHODOX AND GREEK- CATHOLIC CHURCHES IN THE 17TH — EARLY 19TH CENTURIES: THE COMPARATIVE ASPECT

HALINA A. FLIKOP-SVITA

Center for Belarusian Culture, Language and Literature
Researches of the National Academy of Sciences
of Belarus, 1/2 Surganova St., Minsk, 220072,
the Republic of Belarus
E-mail: halinka13@yandex.ru

Abstract. *This article is devoted to the Belarusian iconostases of churches of the two confessions of the Eastern Rite: the Orthodox and the Greek-Catholic (Uniate). Hitherto, the Belarusian iconostases have almost been unexplored as separate systems with their inherent constructive and artistic solution. The question of presence of specific iconographical features of both these confessions has remained open. This lack of knowledge on this aspect is ex-*

plained by almost complete loss of the artifacts: only few iconostases survived. Therefore, to perform this study, the iconographic materials were used: pictures (the first half of the 17th century) and photographs (late 19th — early 20th centuries), as well as numerous historical documents, descriptions of Orthodox and Uniate iconostases of the late 16th — early 19th centuries from the archives of Belarus, Russia, Lithuania and Poland. The study resulted in revealing some characteristics inherent only in the Greek Catholic iconostasis, which suggested that the new artistic solutions and constructive forms had been created within this confession.

Key words: Belarusian iconostasis, Orthodox iconostasis, Greek Catholic iconostasis, chancel screen, “gapped” iconostasis, “illusionistic” iconostasis.

Citation: Flikop-Svita H.A. Iconostases of the Belarusian Orthodox and Greek-Catholic Churches in the 17th — Early 19th Centuries: the Comparative Aspect, *Observatory of Culture*, 2016, vol. 13, no. 4, pp. 564—574.

References

1. Marozava S.V., Filatava A.M. Uniyatskaya tsarkva na Belarusi [The Uniate Church in Belarus],

- Religiya i tsarkva na Belarusi: Entsykl. daved.* [Religion and Church in Belarus]. Minsk, Belaruskaya entsyklapedyya Publ., 2001, pp. 331—334.
2. Flikop G.A. Isnavanne ikanastasaw u greka-katalitskai tsarkve w XVII — pershai palove XIX st. [Existence of icons in greek-catholic church during the period from 17th to the first half of 19th century]. *Vestsy Natsyyanal'най akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk* [Proc. of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanitarian Sciences], 2013, no. 4, pp. 81—87.
3. Posternak K.V. K voprosu ob evolyutsii form altarnoi pregrady uniatskikh khramov na territorii Rechi Pospolitoi [To the Question about the Evolution of the Forms of the Altar Barrier of the Uniate Churches in the Territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth, *Slavyanovedenie* [Slavic Science], 2013, no. 4, pp. 79—86.
4. Baberski V. Adziny z shastsi [Only One of the Six], *Mastatstva* [The Art], 2005, no. 11, pp. 22—23.
5. Gabrus' T.V. *Muravanyya kharaly: sakral'naya arkhitektura belaruskaga baroka* [Stone chants: sacred architecture of the Belarusian Baroque]. Minsk, Uradzhai Publ., 2001, 287 p.
6. Ozheshkovskaya I.N. Stilistika altarnoi pregrady Vitebskogo Uspenskogo sobora II poloviny XVIII — nachala XIX vv. (po materialam arkhivnykh issledovaniy) [Style of altar barrier of the Vitebsk Uspensky cathedral 18th — 20th cent. (on materials of the archived researches)], *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Brest State Technical University], 2012, no. 1, pp. 14—18.
7. Yaroshevich A.A. Problemy atributsii ikonostasa Uspenskogo sobora Zhirovichskogo monastyrya [The problems of attribution of the iconostasis of the Assumption Cathedral of the monastery of Zhirovichi], *XI Filevskie chteniya*. ["11th Filevskie chteniya", Proc. of the conf., Moscow, 24—26.12.2012]. Moscow, 2012, pp. 113—115.
8. Khadyka A.Yu., Khadyka Yu.V. Renesans u belaruskim novym ikanapise [The Renaissance in new Belarusian Icon Painting], *Pomniki mastatskai kul'tury Belarusi epokhi Adradzhennya* [The Artifacts of Art Culture of Belarus of the Renaissance]. Minsk, 1994, pp. 62—70.
9. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2006, vol. 14 (Daniel — Dimitri), 752 p.
10. Karpenka A. (ed.) *Belaruski ikanastas. Tvory ikanapisu i drawlyanai plastyki kantsa XVII — pachatku XIX st.* [Belarusian Iconostasis. Icons and Wooden Sculpture of the late 17th — the early 19th cent.]. Minsk, 2015, 52 p.
11. Mel'nik V. *Sakral'ne mistetstvo Galichini XV—XX stolit' v ekspozitsii Ivano-Frankivs'kogo khudozhn'ogo muzeyu. Putivnik-katalog* [Sacral Art of Galicia 15—20 Centuries in the Exhibition in Ivano-Frankivsk Art Museum. Guide-catalog]. Ivano-Frankivs'k, Lileya-NV Publ., 2007, 224 p.
12. Mikul'ski Ju. (ed.) *Opisi riznitsy Turovo-Pinskoi episkopii (1585—1615 gg.)* [The Inventory of the Sacristy of the Turov-Pinsk Diocese (1585—1615)], *Belaruskaya davnina: Gistarychny al'manakh* [Belarusian Antiquity: The historical Anthology], issue 2, pp. 179—201.
13. *Archiwum glównie akt dawnych w Warszawie (AGAD)* [The Central Archives of Historical Records (CAHR)], *Archiwum Radziwiłłow (AR)*, dz. VIII.
14. *National Historical Archives of Belarus (NHAB)*, coll. 694, aids 1, fol. 287.
15. *National Historical Museum of the Republic of Belarus*, item ND 15341 (Fotografiya inter'era Preobrazhenskoi tserkvi pravoslavnogo monastyrya d. Okhor, 1925).
16. Vysockaja N.F. (ed.) *Ikanapis Belarusi XV—XVIII st. goddzjaw* [Icon Painting in Belorussia 15th—18th cent.]. Minsk, Belarus' Publ., 2001, 21 p.
17. Karpenko E. (ed.), *Pravaslavny svet. Vobraz Hrysta w ikanagrafii krain Ushodnjaj Ewropy z muzejaw Belarusi, Rasii, Serbii, Ukrainy. Da 1025-goddzja Hryshchjennja Rusi* [Orthodox world. The image of Christ in Iconography of Eastern European Countries from Museums of Belarus, Russia, Serbia, Ukraine. Marking the 1025th Anniversary of Baptising Russia]. Minsk, Publ. house Zvyazda, 2015, 227 p.
18. *National Historical Museum of the Republic of Belarus*, item ND 5267/11 (Fotografiya ikonostasa tserkvi Bogoyavlenskogo bratskogo monastyrya v g. Mogilev, nachalo 20 veka).
19. *Lietuvos valstybes istorijos archyvas* [Lithuanian State Historical Archives], coll. 634, aids 1, fol. 48.
20. *Russian State Historical Archive*, coll. 823, aids 3, fol. 519.
21. Flikop G.A. Ikanastasy wniyatskikh khramaw Turawskai eparkhii w 1770—1780-ya gady: nayawnasts' i kanstrukt-syia [The Iconostases of the Uniate Churches of the Diocese of Turov in 1770—1780-es: Availability and Design], *Pytanni mastatstvaznavstva, etnologii i fal'klarytyki* [Issues of Art Criticism, Ethnology and Study of Folklore]. Minsk, 2012, issue 12, pp. 588—593.
22. *Lietuvos valstybes istorijos archyvas* [Lithuanian State Historical Archives], coll. 634, aids 1, fol. 56.
23. Flikop-Svita H.A. Prystsennyia altary wniyatskikh khramaw Belarusi w kantsy XVII—pachatku XIX st. [The Wall Altars of the Uniate Temples of Belarus at the End of the 17th — Beginning of the 19th Century], *Belaruski gistarychny chasopis* [Belarusian historical journal], 2016, no. 3, pp. 26—37.
24. *Russian state historical archive*, coll. 824, aids 2, fol. 187.
25. Flikop-Svita H.A. Ilyuzornyya ikanastasy wniyatskikh khramaw Belarusi (aposhnyaya trets' XVIII — pachatka XIX st.) [Illusory Iconostasis of the Uniate Churches in Belarus (the Last Third of the 18th — Beginning of the 19th Century)], *Istoriya religii v Ukraini* [The history of religions in Ukraine]. Lvov, 2016, part 3, pp. 458—469.